

Владимир Короленко

Старый звонарь

, 1966

FB2: "Lykas ", 23 February 2017, version 1.0

UUID: 5ECA49C4-8047-4431-A315-0DD22587489D

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Владимир Галактионович Короленко

Старый звонарь

Печатается по изданию:

Повести и рассказы в двух томах 1880–1896 гг. Издательство "Художественная литература" Москва 1966

В.Г.Короленко

Старый звонарь

Стемнело.

Небольшое селение, приютившееся над дальнею речкой, в бору, тонуло в том особенном сумраке, которым полны весенние звездные ночи, когда тонкий туман, подымаясь с земли, сгущает тени лесов и застилает открытые пространства серебристо-лазурною дымкой... Все тихо, задумчиво, грустно.

Село тихо дремлет.

Убогие хаты чуть выделяются темными очертаниями; кое-где мерцают огни; изредка скрипнут ворота; залает чуткая собака и смолкнет; порой из темной массы тихо шумящего леса выделяются фигуры пешеходов, проедет всадник, проскрипит телега. То жители одиноких лесных поселков собираются в свою церковь встречать весенний праздник.

Церковь стоит на холмике, в самой середине поселка. Окна её светят огнями. Колокольня — старая, высокая, темная — тонет вершиной в лазури.

Скрипят ступени лестницы... Старый звонарь Михеич поднимается на колокольню, и скоро его фонарик, точно взлетевшая в воздухе звезда, виснет в пространстве.

Тяжело старику взбираться по крутой лестнице. Не служат уже старые ноги, поизносился он сам, плохо видят глаза... Пора уж, пора старику на покой, да бог не шлет смерти. Хоронил сыновей, хоронил внуков, провожал в домовину старых, провожал молодых, а сам все еще жив. Тяжело!.. Много уж раз встречал он весенний праздник, потерял счет и тому, сколько раз ждал урочного часа на этой самой колокольне. И вот привел бог опять...

Старик подошел к пролету колокольни и облокотился на перила. внизу вокруг церкви маячили в темноте могилы сельского кладбища; старые кресты как будто охраняли их распростертыми руками. Кое-где склонялись над ними березы, еще не покрытые листьями... Оттуда, снизу, несся к Михеичу ароматный запах молодых почек и веяло грустным спокойствием вечного сна...

Что-то будет с ним через год? взберется ли он опять сюда, на вышку, под медный коло-

кол, чтобы гулким ударом разбудить чутко дремлющую ночь, или будет лежать... вон там, в темном уголке кладбища, под крестом? Бог знает... Он готов, а пока привел бог еще раз встретить праздник. "Слава те, господи!" — шепчут старческие уста привычную формулу, и Михеич смотрит вверх на горящее миллионами огней звездное небо и крестится...

— Михеич, а Михеич! — овет его снизу дребезжащий, тоже старческий голос. Древний годами дьячок смотрит вверх на колокольню, даже приставляет ладонь к моргающим и слезящимся глазам, но все же не видит Михеича.

— Что тебе? Здесь я! — отвечает звонарь, склоняясь со своей колокольни. — Аль не видишь?

— Не вижу... А не пора ли вдарить? По-твоему, как?

Оба смотрят на звезды. Тысячи божьих огней мигают на них с высоты. Пламенный "Воз" поднялся уже высоко... Михеич сообщает:

— Нет еще, погоди мало... Знаю ведь...

Он знает. Ему не нужно часов: божьи звез-

ды скажут ему, когда придет время... Земля и небо, и белое облако, тихо плывущее в лазури, и темный бор, невнятно шепчущий внизу, и плеск невидимой во мраке речки — все это ему знакомо, все это ему родное... Недаром здесь прожита целая жизнь...

Перед ним оживает далекое прошлое... Он вспоминает, как в первый раз он с тяткой взобрался на эту колокольню... Господи боже, как это давно и... как недавно!.. Он видит себя белокурым мальчонком; глаза его разгорелись; ветер, — но не тот, что подымает уличную пыль, а какой-то особенный, высоко над землей машущий своими бесшумными крыльями, — развеивает его волосенки... Внизу далеко-далеко ходят какие-то маленькие люди, и домишки леревни тоже маленькие, и лес отодвинулся вдаль, и круглая поляна, на которой стоит поселок, кажется такою громадною, почти безграничною.

— Ан вон она, вся тут! — улыбнулся седой старик, взглянув на небольшую полянку.

Так вот и жизнь... Смолоду конца ей не видишь и краю... Ан вот она вся как на ладони, с начала и до самой вон той могилки, что об-

любовал он себе в углу кладбища... И что ж, — слава те, господи! — пора на покой. Тяжелая дорога пройдена честно, а сырая земля — ему матерьюю Скоро уж, скоро!..

Однако пора. Взглянув еще раз на звезды, Михеич поднялся, снял шапку, перекрестился и стал подбирать веревки от колоколов... Через минуту ночной воздух дрогнул от гулкового удара... Другой, третий, четвертый... один за другим наполняя чутко дремавшую предпраздничную ночь, полились властные, тягучие, звонкие и певучие тоны...

Звон смолк. В церкви началась служба. В прежние годы Михеич всегда спускался по лестнице вниз и становился в углу, у дверей, чтобы молиться и слушать пение. Но теперь он остался на своей вышке. Трудно ему; притом же он чувствовал какую-то истому. Он присел на скамейку и, слушая стихающий гул расколыхавшейся меди, глубоко задумался. О чем? Он сам едва ли мог бы ответить на этот вопрос... Колокольная вышка слабо освещалась его фонарем. Глухо гудящие колокола тонули во мраке; снизу, из церкви, по временам слабым рокотом доносилось пение, и ночной

ветер шевелил веревки, привязанные к железным колокольным сердцам...

Старик опустил на грудь свою седую голову, в которой роились бессвязные представления. "Тропарь поют!" — думает он и видит себя тоже в церкви. На клиросе заливаются десятки детских голосов; старенький священник, покойный отец Наум, "возглашает" дрожащим голосом возгласы; сотни мужичьих голов, как спелые колосья от ветру, нагибаются и вновь поднимаются... Мужики крестятся... Все знакомые лица, и все-то покойники... Вот строгий облик отца; вот и старший брат исто-во крестится и вздыхает, стоя рядом с отцом. вот и он сам, цветущий здоровьем и силой, полный бессознательной надежды на счастье, на радости жизни... Где оно, это счастье?.. Старческая жизнь вспыхивает, как уга-сающее пламя, скользя ярким, быстрым лучом, освещающим все закоулки прожитой жизни... Непосильный труд, горе, забота... Где оно, это счастье? Тяжелая доля проведет морщины по молодому лицу, согнет могучую спину, научит вздыхать, как и старшего брата...

Но вот налево, среди деревенских баб, сми-

ренно склонив голову, стоит его "молодица".
Добрая была баба, царствие небесное! И мно-
го же приняла муки, сердешная... Нужда, да
работа, да неисходное бабье горе иссушат
красивую молодницу; потускнеют глаза, и вы-
ражение вечного тупого испуга перед неожиданными ударами жизни заменит заменит величавую красоту... Да где ее счастье?.. Один остался у них сын, надежда и радость, и того осилила людская неправда...

А вот и он, богатый ворог, бьет земные поклоны, замаливая кровавые сиротские слезы; торопливо взмахивает он на себя крестное знамение, и падает на колени, и стучает лбом... И кипит-разгорается у Михеича сердце, а темные лики икон сурово глядят со стены на людское горе и на людскую неправду...

Все это прошло все это там, назади... А теперь весь мир для него — это темная вышка, где ветер гудит в темноте, шевеля колокольными веревками... "Бог вас суди, бог суди!" — шепчет старик и поникает седою головой, и слезы тихо льются по старым щекам звоноря...

— Михеич, а Михеич!.. Что ж ты, али за-

снул? — кричат ему снизу.

— Ась? — откликнулся старик и быстро вскочил на ноги. — Господи! Неужто и вправду заснул? Не было еще экого сраму!..

И Михеич быстро, привычною рукой хватает веревки. Внизу, точно муравейник, движется мужичья толпа: хоругви бьются в воздухе, поблескивая золотистою парчой... Вот обошли крестным ходом вокруг церкви, и до Михеича доносится радостный клич:

— Христо-о-с воскресе из мерт-вых...

И отдается этот клич волною в старческом сердце...

И кажется Михеичу, что ярче вспыхнули в темноте огни восковых свечей, и сильнее заволновалась толпа, и забились хоругви, и проснувшийся ветер подхватил волны звуков и широкими взмахами понес их ввысь, сливаясь с громким торжественным звоном...

Никогда еще так не звонил старый Михеич.

Казалось, его переполненное старческое сердце перешло в мертвую медь, и звуки точно пели, трепетали, смеялись и плакали и, сплетаясь чудною вереницей, неслись вверх,

к самому звездному небу. И звезды вспыхивали ярче, разгорались, и звуки дрожали и лились, и вновь припадали к земле с любовною лаской...

Большой бас громко вскрикивал и кидал властные, могучие тоны, оглашавшие небо и землю: "Христос воскрес!"

И два тенора, вздрагивая от поочередных ударов железных сердец, подпевали ему радостно и звонко: "Христос воскрес!"

А два самые маленькие дисканта, точно торопясь, чтобы не отстать, вплетались между больших и радостно, точно малые ребята, пели вперегонку: "Христос воскрес!"

И казалось, старая колокольня дроит и колеблется, и ветер, обвевающий лицо звонаря, трепещет могучими крыльями и вторит: "Христос воскрес!"

И старое сердце забыло про жизнь, полную забот и обиды... Забыл старый звонарь, что жизнь для него сомкнулась в утрюмую и тесную вышку, что он в мире один, как старый пень, разбитый злою непогодой...

Он слушает, как эти звуки поют и плачут, летят к горнему небу и припадают к бедной

земле, и кажется ему, что он окружен сыновьями и внуками, что это их радостные голоса, голоса больших и малых, сливаются в один хор и поют ему про счастье и радость, которых он не видал в своей жизни... И дергает веревки старый звонарь, и слезы бегут по лицу, и сердце усиленно бьется иллюзией счастья...

А внизу люди слушали и говорили друг другу, что никогда еще не звонил так чудно старый Михеич...

Но вдруг большой колокол неуверенно дрогнул и смолк... Смущенные подголоски прозвенели неоконченной трелью и тоже оборвали ее, как будто вслушиваясь в печально гудящую долгую ноту, которая дрожит, и льется, и плачет, постепенно стихая в воздухе...

Старый звонарь изнеможенно опустился на скамейку, и две последние слезы тихо катятся по бледным щекам.

Эй, посылайте на смену! Старый звонарь отзвонил...

1885 г.